

Проводив взглядом удаляющегося Шэнь Цинжяня, Сюэ Фэйфэн тут же убрал костыли. Оттолкнувшись носком сапога от земли, он обратился в едва различимый стремительный силуэт и в считанные мгновения бесследно растворился среди изгибов горной тропы.

В некотором отдалении на тракте стоял всадник, а рядом с ним мирно и лениво щипала траву вторая лошадь.

Едва заведев приближающегося господина, Чан Мин мигом соскочил на землю и принялся усердно поправлять гриву Юйцуна (имя коня переводится как «Императорский скакун» или «Величественный конь») — боевого скакуна Сюэ Фэйфэна:

— Господин, вы как раз вовремя.

Разглядев установленное на спине Юйцуна седло, Сюэ Фэйфэн замер, а его рука, сжимавшая поводья, ощутимо напряглась. Он одарил Чан Мина леденящим, предупреждающим взглядом.

О чем вообще ежедневно думают эти идиоты из его личной гвардии?

Чан Мин угодливо заискивающе улыбнулся:

— Подчиненный лишь проявил предусмотрительность на всякий пожарный случай.

Вдруг господину вздумалось бы отправиться в путь вместе с супругой? Тут-то двойное седло как раз и пришлось бы кстати.

Сюэ Фэйфэн похлопал скакуна по крепкой спине и одним мощным, грациозным прыжком взлетел в седло:

— Мы отправляемся на ликвидацию бандитского логова. Ты что, шутки со мной шутить вздумал?

Чан Мин мгновенно подобрался, а его лицо натянулось от серьезности:

— Никак нет! Разумеется, брать с собой супругу на такое дело никак нельзя.

Мужчина окинул его тяжелым взглядом и высокомерно процедил:

— С этой самой секунды тебе, Чан Мин, запрещается издавать хоть какие-то звуки при разговоре. Это воинский приказ.

Заядлый трепач Чан Мин тут же обиженно захлопнул рот и уныло запрыгнул на своего коня, следуя по пятам за командиром. Однако не успели они проскакать и пары чжанов, как в его голове снова что-то щелкнуло.

Парень расплылся в широкой ухмылке и принялся сверлить спину Сюэ Фэйфэна полным жгучего, сплетнического любопытства взглядом.

Деревня Лицзяцунь территориально относилась к провинции Миньчжоу. Это был южный озерный край, где сеть больших и малых водоемов раскинулась по земле, словно шахматная доска.

Банда свирепых разбойников под предводительством Цао Тунфана в последнее время обосновалась прямо на воде, вступив в преступный сговор с местной транспортной гильдией и наводя ужас на всю округу. Окружной же чиновник предпочитал закрывать на этот беспредел

глаза, продолжая мирно поживать на лаврах посреди мирной и сытой жизни.

В просторном дворе одного из глухих загородных хуторов Сюэ Фэйфэн разложил на столе подробную карту, внимательно изучая рельеф и водные артерии Миньчжоу. Сам он всю жизнь воевал на суровом севере, и ему еще ни разу не приходилось вести боевые действия с противником, закрепившимся посреди бескрайних озер.

Чан Бай ощутимо ткнул локтем в бок безмолвного Чан Мина, выразительно косясь на него: «Чего молчишь, как воды в рот набрал? Онемел, что ли?»

Чан Мин одними губами, беззвучно проартикулировал: «Господин наложил запрет на мой голос».

С противоположной стороны стола подал голос холодный, как лезвие клинка, телохранитель Чан Суй, замерший с мечом в руках:

— Генерал, Наследный принц сейчас рыщет по всем провинциям в поисках ваших следов. В такое время нам категорически не стоит поднимать лишний шум.

Принц Сюэ Ли пребывал в твердой уверенности, будто в той резне выжил один лишь Сюэ Фэйфэн, и жаждал оборвать эту последнюю ниточку.

Он и понятия не имел, что стотысячная элитная армия генерала тоже уцелела и укрылась в надежном месте. Если они сейчас начнут масштабную зачистку разбойников при полном попустительстве местных властей, Сюэ Фэйфэну неизбежно придется задействовать своих старых боевых товарищей. А это неминуемо выдаст и самого генерала, и его скрытые полки.

Стоит Наследнику прознать об этом, и дело явно не ограничится тайными шпионами и проверками.

Этот подозрительный и трусливый Сюэ Ли всюду видел заговоры и смертно боялся, что кто-то посягнет на его законный престол.

Будьте уверены: развернись на юге хоть одно боевое знамя великой армии Ци, этот безумец, не раздумывая, бросит рубежи перед лицом северных кочевников и двинет все войска на уничтожение Цзяннаня. Ради спасения своей шкуры он и на такую дикость пойдет, глазом не моргнув.

Сюэ Фэйфэн уверенно ткнул пальцем в очертания высокой горы на севере Миньчжоу:

— Если мне не изменяет память, на стыке двух провинций располагается штаб-квартира охранного агентства Тянься. И как раз на днях крупный караван с заморскими товарами должен пройти водным путем через Миньчжоу, направляясь в Янчэн.

Чан Суй согласно кивнул:

— Всё так, генерал. По вашему приказу я пристально следил за всеми грузами, идущими в Янчэн. Третьего дня я выяснил, что этот караван под завязку забит редкими южными лекарственными кореньями, целебными травами, а также крупными запасами серы.

— Я уже несколько дней веду слежку за логовом Цао Тунфана, — подал голос Чан Бай. — И судя по всему, у него нет намерений грабить это судно. Вероятно, старейшины Тянься уже успели занести ему щедрую долю за мирный проход.

— Раз у него нет таких мыслей, значит, мы сами заставим его напасть на этот караван, — ледяным тоном отчеканил Сюэ Фэйфэн. — Цао Тунфан до безумия падок на женскую красоту. Пустите слух, будто на борту этого грузового судна везут редких заморских красавиц из южных стран. Нарисуйте портрет покрасивее и подкиньте ему. Когда корабль пойдет по озеру, этот похотливый пес непременно потребует подняться на палубу, чтобы лично оценить «товар». И в тот момент, когда охрана Тянься откажет ему и начнется заварушка, вы воспользуетесь суматохой и подожжете запасы серы. Округе же объявите, будто это Цао Тунфан подпалил судно из мести.

— Но с чего бы Цао Тунфану так легко поверить в байку о красавицах? — засомневался Чан Бай. — Это ж насколько прекрасной должна быть дева, чтобы этот прожженный бандит клюнул на наживку?

Сюэ Фэйфэн медленно обвел своих подчиненных пронзительным, острым взглядом феникса:

— А вы сами как думаете?

Чан Мин и Чан Бай синхронно сделали шаг назад, испуганно выставив руки:

— Чан Суй и Чан Чань похожи на неё больше всех!

Чан Чань была старшей сестрой этих троих непутевых братьев. Это была наводящая ужас на всю округу воительница — неописуемо порочная и прекрасная дева, способная уложить десяток мужчин за пару шагов.

Поскольку она в гробу видала находиться в одном ранге со своими слабоумными братьями, те выстроились по своей очереди: Чан Мин стал старшим, Чан Бай — вторым, а Чан Суй — третьим.

Чан Суй унаследовал от сестры практически идентичные черты лица; стоило наложить на его бледную кожу немного румян и белил, как перед глазами представала точная копия девицы, вплоть до фирменного леденящего выражения глаз.

Самой Чан Чань в лагере сейчас не было. Да если бы и была — даже свяжи братьев вместе, ни один из них не осмелился бы просить сестру о подобной услуге, если только сам генерал не отдаст прямой приказ.

Так что отдуваться, судя по всему, придется бедному Чан Сую.

Старшие братья тут же расплылись в злорадных ухмылках.

Однако Сюэ Фэйфэн покачал головой. Хоть Чан Суй и был схож лицом, но на борту судна требовалось разыграть роль плененной певички, соткать паутину лжи и искусно стравить две силы между собой.

В плане актерского мастерства и коварства Чан Сую до старшей сестры было как до луны.

Мужчина указал пальцем на старшего:

— Даю тебе ровно один день, Чан Мин. Верни Чан Чань в лагерь.

Лицо Чан Мина мгновенно перекосилось от вселенской скорби. Парень сразу понял, что генерал попросту мстит ему за то злополучное двойное седло!

Командир ведь мог лично отправить тайное послание птицей, но вместо этого заставил его рисковать собственной шкурой и подставлять спину под тяжелую плеть разъяренной сестрицы.

Чан Мин беззвучно, одними губами выдавил: «Подчиненный повинуется».

Чуть позже, когда Чан Суй сопровождал Сюэ Фэйфэна на очередной прием к старому лекарю, Чан Бай с недоумением возрился на старшего брата:

— Это что еще за мина на твоём лице?

На лице Чан Мина застыла дикая смесь из тридцати процентов вселенского страдания и семидесяти процентов торжествующего ехидства, отчего он выглядел как человек страдающий раздвоением личности.

Чан Мин беззвучно зашевелил губами, активно жестикулируя: «Господин сегодня запретил мне издавать звуки».

Чан Бай лишь понимающе вздохнул, ничуть не удивившись самодурству командира.

«Но ты только раскинь своими куриными мозгами: супруга нашего генерала ведь немая...» — в глазах Чан Мина внезапно вспыхнула искра истинной "гениальности". — «Генерал заставил меня прикинуться немым исключительно ради того, чтобы самому научиться безупречно читать по губам! Так ему будет куда легче общаться с благоверной по возвращении!»

Столкнувшись с подобными чудесами дедукции, Чан Бай смог лишь благоговейно преклонить колени перед логикой брата:

— А ведь в твоих словах есть резон!

В итоге на следующее утро Сюэ Фэйфэн с крайним изумлением обнаружил, что абсолютно все его подчиненные в лагере как один внезапно лишились голоса и общаются исключительно беззвучным открыванием ртов.

Тем временем Шэнь Цинжань в полном одиночестве вернулся под крышу родной избы. В доме внезапно стало как-то слишком просторно и тихо — даже перекинуться словом было не с кем.

Хотя, если вспомнить, он и так ни с кем не разговаривал.

Но раз Сюэ Фэйфэн покинул деревню, это означало лишь одно: парень наконец-то мог полностью ослабить бдительность и покричать во весь голос! От этого вечного молчания у него уже скулы сводило; он за эти недели почти позабыл, как вообще звучит его собственный голос.

Стоило отмыть лицо прежнего владельца тела от многовековой грязи, как оказалось, что внешне они были похожи как две капли воды. Вот только этот юноша был слишком хрупким и субтильным — образ жизни действительно накладывает неизгладимый отпечаток на внешность человека.

Шэнь Цинжань тихонько позвал себя по имени. От долгого воздержания его голос прозвучал слабо и неуверенно, точь-в-точь как робкий писк потерявшегося олененка.

Он повторил попытку еще несколько раз, постепенно возвращая связкам былую уверенность и силу. В конце концов, их изба стояла у самого подножия горы на отшибе, и случайные прохожие здесь были редким исключением.

Приступая к приготовлению обеда, Шэнь Цинжань по привычке зачерпнул из мешка две щедрые деревянные ложки риса. И лишь когда зерно с тихим шелестом посыпалось в котел, до него дошло, что Сюэ Фэйфэна дома нет, и варить такую гору еды совершенно ни к чему.

Он со стыдом прикрыл котел тяжелой деревянной крышкой. Может... паранойя Сюэ Фэйфэна касательно его аппетитов была не такой уж беспочвенной?

Шэнь Цинжань тщательно перемешал недоеденный вареный рис с сухими пшеничными отрубями и вывалил эту кашу прямо в кормушку к большому белому гусю:

— На, трескай быстрее. Вот вернется этот... кхм, вернется Ли Фэн, твоя удача сразу кончится.

Затем он уселся на корточки перед едва живым саженцем синего дуба, сиротливо торчащим из земли, и тихонько пробормотал:

— Ну и когда же ты наконец поправишься?

Этот вопрос был адресован то ли несчастному растению, то ли какому-то конкретному человеку.

Шэнь Цинжань свято верил: в тот самый день, когда эта редкая поросль окрепнет и из неё можно будет приготовить целебное снадобье, у покалеченного Сюэ Фэйфэна появится реальный шанс снова встать на ноги.

Именно поэтому парень пёкся над этим единственным ростком как над писаной торбой, проверяя его состояние стабильно по три раза на день.

— Хватит забивать голову этим Ли Фэном, лучше пойду прилягу, — Шэнь Цинжань сладко зевнул.

Буквально утром он вывесил одеяла просушиться на солнышке, так что послеполуденный сон обещал быть неописуемо комфортным.

Парень лениво повернул голову и окинул взглядом комнату прежнего хозяина тела. С тех самых пор, как он в самый первый день в ужасе выскочил оттуда, его нога больше ни разу не переступала этот порог. Страшно даже представить, в какой свинарник превратилось это помещение за столько времени.

Дом, выстроенный покойным Ли Фэном, был совсем крошечным: небольшая общая зала прямо у входа и две жилые комнаты по обе стороны от неё. Между залом и задней стеной из грубых досок была сколочена тесная перегородка, откуда пара крутых ступеней вела в глубокий земляной погреб.

Кухня стояла особняком с левой стороны от дома — там едва хватало места для одной каменной печи, а всё остальное пространство было завалено ржавым крестьянским инвентарем.

На заднем дворе когда-то держали птицу, а перед крыльцом раскинулся небольшой вскопанный огород. В общем и целом, мест, защищенных от непогоды прочной крышей, в этом доме было раз-два и обчелся.

Комната прежнего хозяина тела пришла в полное запустение, поэтому Шэнь Цинжань каждую ночь послушно расстилал себе постель прямо на полу в комнате мужа. Со временем, правда,

ситуация изменилась, и на пол перекочевал уже сам Сюэ Фэйфэн.

Но если судить объективно, комната прежнего владельца была куда просторнее. Получалось, Шэнь Цинжань мало того что загадил собственные покои, так еще и выжил законного хозяина из его личной постели на холодные доски — как ни крути, а поступать так было верхом свинства.

К тому же с каждым днем на улице становилось всё холоднее, и вечно спать на полу вдвоем точно не получится.

Может, стоит доказать Сюэ Фэйфэну, что он твердо встал на путь исправления? Например, начать с банальной уборки в заброшенной комнате? В конце концов, если уж он смог пережить варку вонючих свиных шкур, то с кучей хлама как-нибудь точно совладеет!

После долгих внутренних терзаний Шэнь Цинжань зажмурился и твердо выдохнул:

— Была не была, уберусь!

— Хм... но сегодня я всё же в последний раз вздремну в комнате Ли Фэна, — тут же применил излюбленное самооправдание парень.

Тетушка Чжан свято помнила слезную просьбу уехавшего Сюэ Фэйфэна, поэтому время от времени навещала их дом, искренне опасаясь, как бы Шэнь Цинжань в одиночестве окончательно не зарос грязью.

Она как раз подошла к невысокой плетеной изгороди и только-только занесла руку, чтобы толкнуть калитку, как из глубины дома до неё донеслись крайне подозрительные речи парня. Женщина так и замерла на месте от глубочайшего шока.

Ей теперь было и войти неловко, и уйти просто так совесть не позволяла.

«Вот вернется Ли Фэн, твоя удача сразу кончится... Хватит забивать голову этим Ли Фэном, лучше пойду прилягу... Сегодня я всё же в последний раз вздремну в комнате Ли Фэна...»

Тетушка Чжан своими собственными ушами отчетливо уловила доносившийся изнутри незнакомый, глубокий мужской голос. И хотя говорил незнакомец на редкость складно и красиво, точь-в-точь как благородный грамотей из города, это никак не могло скрыть его однозначного и порочного намерения «прилечь и поспать».

Стоило Ли Фэну за порог ступить, как эта негодница уже притащила в дом постороннего мужика?!

Да еще среди бела дня... среди бела дня собирается с ним спать!

Соседка была до глубины души потрясена собственными догадками. Она-то наивно полагала, будто Шэнь Цинжань после свадьбы взялся за ум, а тот, оказывается, так и остался неисправимой потаскухой!

Но что, если... это какой-то дальний родственник парня приехал?

Тетушка Чжан не хотела рубить с плеча и понапрасну возводить на человека напраслину, поэтому погромче крикнула в сторону окон:

— Цинжань, ты дома, милая?

Шэнь Цинжань, который только-только блаженно растянулся на кровати, от этого крика подскочил как ужаленный. Судорожно запахивая на ходу полы халата, он кубарем вылетел на крыльцо.

Сейчас при виде тетушки Чжан у него возникали стойкие ассоциации с суровым завучем из его прошлой школы — из тех самых, что обожают заявляться в пять утра, лично проверяя качество уборки на школьном дворе.

Появление грозной соседки требовало полной боевой готовности.

Окинув пристальным взглядом парня, который на ходу продолжал судорожно одергивать ворот платья, тетушка Чжан натянула на лицо фальшивую улыбку и как бы между прочим спросила:

— К тебе гости пожаловали, что ли? Мне сейчас показалось, будто из дома голоса доносились.

«О боже правый!» — у Шэнь Цинжаня от страха аж волосы на затылке зашевелились. Надо же было так глупо проколоться при первой же попытке открыть рот!

Он поспешно замахал головой в знак отрицания, а в его глазах весьма вовремя отразилась искренняя, кристально чистая растерянность — парень мастерски разыграл роль человека, который абсолютно не понимает, о каких таких звуках толкует соседка.

Актерский талант чистейшей пробы.

Тетушка Чжан невольно сделала шаг назад, ощущая легкое головокружение. «Да как же так-то? И отпирается ведь, глазом не моргнув! Неужто тот мужик внутри настолько позорен, что его и людям показать стыдно?»

— Ох... ну ладно. Стало быть, старуха совсем из ума выжила, послышалось мне, — через силу выдавила женщина. — Я чего зашла-то... хотела проверить, справляешься ли ты у печи. Если возникнут какие трудности с готовкой, ты не стесняйся, сразу тетке говори.

Шэнь Цинжань панически боялся, что добрая соседка решит вырастить из него шеф-повара императорской кухни, поэтому поспешно замахал руками. Он пулей метнулся обратно в избу и вынес оттуда увесистую связку ароматного вяленого мяса, протягивая её женщине.

Сюэ Фэйфэн, судя по всему, тоже дико переживал из-за кулинарных талантов своей «жены», поэтому невесть откуда притащил в дом целую гору копченого балыка и солонины — мол, просто кидай куски поверх риса в котел, и сытный обед готов без лишних хлопот. Просто и со вкусом.

Вот только этих мясных запасов в кладовой скопилось столько, что Шэнь Цинжань при всем желании не смог бы одолеть их и за полгода. Самое время было поделиться излишками с соседкой.

— Да как же можно, милая? — принялась притворно отнекиваться тетушка Чжан, не спеша принимать подарок.

Это вяленое мясо было приготовлено из первосортной жирной свинины — по одному только виду и тонкому аромату коптильного дыма было ясно, что над его созданием трудились долго и на совесть. Обычным деревенским жителям такое лакомство было явно не по карману.

Шэнь Цинжань в ответ лишь отчаянно зажестичулировал и принялся скрести макушку,

совершенно не зная, как без слов донести до женщины простую мысль: «У нас этого добра полно, девать некуда».

Эх, был бы сейчас Сюэ Фэйфэн дома, он бы мигом всё уладил.

— Это Фэн-цзы перед отъездом припас? — видя, что «жена» Фэн-цзы твердо стоит на своем, тетушка Чжан нехотя приняла связку и мимоходом полюбопытствовала.

Шэнь Цинжань тут же призадумался. Когда Сюэ Фэйфэн выкупил для него те плантации тростника, по деревне поползли грязные слухи. Парень своими собственными ушами слышал, как мужа костили последними словами, обзывая безмозглым подкаблучником и расточителем. Наверняка даже добрая тетушка Чжан в глубине души разделяла это мнение.

Ну уж нет, он не позволит позорить доброе имя своего благоверного! Шэнь Цинжань из чистых побуждений твердо вознамерился восстановить пошатнувшийся мужской авторитет Сюэ Фэйфэна в глазах соседки.

Он широко и кротко улыбнулся, после чего отрицательно покачал головой: «Вовсе нет, тетушка. Главный расточитель в этом доме — я сам».

Тетушка Чжан снова лишилась дара речи от изумления. Это элитное мясо явно было привезено из далекого крупного города. Сам Шэнь Цинжань за пределы деревни отродясь не выходил, да и ни один бродячий торговец в здравом уме не потащил бы столь дорогой товар в их глухомань.

Неужто... неужто весь этот деликатес притащил тот самый незнакомый мужик, что только что прятался в ее комнате?!

Душу соседки захлестнула буря самых противоречивых и горьких чувств. Эта Шэнь Цинжань — она что, настолько глупа, что даже не пытается скрыть свои грехи, или же ее былая наглость окончательно перешла все границы приличия?

Женщина принялась исподлобья пристально разглядывать стоящего перед ней парня.

Надо признать, с тех пор, как он отмыл лицо от вековой грязи, его внешность с каждым божьим днем расцветала всё ярче. Кожа сияла белизной, губы алели, словно спелая вишня, талия была тонкой, как ивовая ветвь, а в чистых, ясных глазах плясали смышленные искорки — казалось, этот взгляд способен говорить без слов.

Если раньше вся деревня шарахалась от него как от чумы, то теперь этот юноша своей статью и красотой мог легко затмить иных избалованных дочерей высокопоставленных столичных чиновников.

Тетушка Чжан уныло спрятала ладони в широкие рукава, а её сердце заныло от жгучей тревоги за бедного Фэн-цзы, который сейчас где-то в глуши калечил ноги ради куска хлеба.

Тем временем за стогом сена неподалеку притаилась госпожа Цай. Проследив за тем, как Шэнь Цинжань вручает соседке увесистую связку дорогого балыка, её лицо перекосилось от лютой зависти и презрения.

Ли Фэна в деревне не было, но из-за того, что тетушка Чжан трижды на дню ошивалась у их ворот, Шэнь Цинжань даже не думал зазывать к себе в гости остальных местных жителей. Вся здешняя шваль и бездельники, мечтавшие пожить за счет молодой дурочки, вынуждены были до поры до времени сдерживать свои грязные порывы.

Особенно сильно бесились двое её собственных непутевых племянников. Попасть в избу к Шэнь Цинжаню им никак не удавалось, поэтому эти лоботрясы целыми днями околачивались в её собственном доме, подчистую сжирая все припасы. И госпожа Цай ничего не могла с ними поделать.

К тому же она тоже умудрилась уловить обрывки незнакомого мужского голоса, доносившегося из окон немого парня.

Женщина со злости едва все зубы себе не раскрошила: «Надо же, какая тварь! Стало быть, все эти городские деликатесы достаются какому-то заезжему хахалю?!»

Госпожа Цай ловко подхватила свою корзину с овощами и быстрыми шагами направилась прочь от забора. Ей нужно было кровь из носу как можно скорее разыскать Чуньшэна и Цюшэна и обо всем им доложить.

<http://bllate.org/book/17933/1721512>